

Питательная среда консерватизма — реальная бюрократическая «этика», ее условия игры, а в определенных ситуациях — ее «криминогенная природа» нечасто становятся предметом художественного исследования. По мнению литературных и театральных критиков, лишь Леонид Зорин, еще три года назад, дерзнул обнажить проблему в своей «Цитате», которая с тех пор успешно идет в Московском театре имени Моссовета.

Как преодолеть догматизм мышления, привычку к стереотипам, которые есть и у политика, и у литератора, и у ученого?

— ПИШЕТЕ ли вы, как принято говорить, «одну и ту же книгу», или каждая ваша пьеса касается особой темы?

— Вполне можно сказать: пишу «все ту же книгу». Но бесспорно, что во всяком произведении должна заключаться своя «любимая мысль», иначе оно не дышит. В «Старой рукописи» герой осознавал связь своего существования с отшумевшими жизнями, с историческим временем; в «Страннике» важно было установить, что народная и национальная идеи отнюдь не всегда совпадают; в «Алексее» — исследовать драму абсентеиста.

Уже три года работаю над романом «Злоба дня» — в его основе тоже серьезная проблема. Не стану подробно пересказывать (будет неинтересно писать), скажу лишь, что это попытка осветить современное состояние общества.

— Речь зашла о современном обществе, уместно затронуть жгучий вопрос. Не все верят в успех перестройки. Сомнения и аргументы скептиков известны. Чем они вызваны, на ваш взгляд?

— Все и всегда решают люди. Безусловно, в немалой мере — те, которые руководят. Выбор некоторых из них по сей день напоминает движение по кругу. Рокеровки, перестановки... Будто одни и те же лица просто меняются местами. Сейчас жизненно необходим не только новый тип руководителя, но и новый человеческий тип! И ведь есть у нас интересные люди, их немало. Читая их статьи и испытывая досаду оттого, что авторы не имеют возможности сами претворить свои разумные мысли в дела. Гласность не может быть самоцелью.

Демократизация нашей жизни обнажает не только наши достоинства, она раскрывает и наши пороки — в первую очередь нетерпимость, раздраженность, подчас тривиальную зависть к ближнему. И все-таки лишь в открытой сшибке мы сможем преодолеть свои слабости, стать хоть несколько лучше и выше. Нельзя загонять болезнь внутрь.

Во время недавних моих зарубежных поездок мне доводилось не раз слышать, что советский руководитель, апеллирующий в первую очередь к совести и разуму, не укладывается в стереотип измышленных «реальных политиков». Я неизменно отвечал собеседникам, что тем не менее наш лидер, решивший ввести в большую политику моральные императивы, — быть может, самый большой реалист. Он глубже других осознал, что на исходе XX века мы живем не столько в разных странах, сколько на одной планете. Чтобы сохранить ее для наших внуков, прежде всего надлежит понять, что мы — человечество и что мы — люди.

— Авторитет Михаила Сергеевича Горбачева соответствует его роли в перестройке.

— Тем более за него тревожиться. Ясно, что революционное содержание такой деятельности никак не может прийти по вкусу мощному консервативному слою, который не сдает своих позиций без боя. В сценарии фильма «Закон», в создании которого я принимал участие и который сейчас снимается, Никита Сергеевич Хрущев признается: «Идешь коридорами и спиной чувствуешь, как они глазами тебя расстреливают».

— Не так давно, в марте, вы смотрели «Варшавскую мелодию» в Канаде. Насколько известно, Канада — пятнадцатая страна, где поставлена эта ваша пьеса. Вы довольны тамашей премьерой?

— На первое представление съехалось множество журналистов из крупных канадских городов. Это понятно: вообще впервые в Канаде ставилась пьеса советского автора. Спектакль приняли очень тепло, и, надо сказать, театр «Персефон» заслужил этот успех. И режиссер, и оба актера — подлинно профессионалы. На постановку ушло всего три недели, а итог можно назвать образцовым. Говорю убежденно, поскольку видел много версий «Варшавской мелодии». Кстати, в Москве репетиционный процесс длится месяцами, порой и годами.

— Кроме «Варшавской мелодии», зарубежные аудитории знакомы ведь и другие ваши пьесы?

— Примерно треть написанного — двадцать пьес. В общей сложности в пятнадцати странах состоялось 60 постановок. Чаще всего к моим пьесам обращались во Франции. Там за последние три с половиной года на сцене и на радио поставлены шесть драм и комедий; сейчас

к некоторым из них театры обращаются вторично. Переведена там и седьмая пьеса — «Пропавший сюжет». В конце апреля я побывал во Франции, как раз чтобы ознакомиться с этим переводом.

Посетил и театр «Люсернер». Отношения с ним складывались бурно. В связи со спорной постановкой «Мужчины и женщины» (был искажен смысл моей пьесы) полгода назад в Париже состоялся судебный процесс, который советский автор выиграл. Театр принял вердикт суда и... поставил еще одну мою пьесу: «Поговорим как художник с художником».

Леонид
ЗОРИН

АНАТОМИЯ КОНСЕРВАТИЗМА

ком... В предстоящем сезоне «Люсернер» собирается показать и «Варшавскую мелодию». Как видите, этот театр и я заключили мир.

— Чем объясняется ваше обращение к прозе?

— Моя судьба в театре сложилась не просто. Если проза постепенно отбирает читателя, то зрителя надо завоевывать каждый вечер, и каждый раз — заново. Известно, что он неоднороден и очень часто предпочитает — и иной раз вместе с театром — адаптированную литературу. Между тем я отчетливо чувствовал, что такие опоры драматурга непрочно: ветшают приемы и сюжеты, стремительно меняется сленг, уходит все сиюминутное, тесно связанное с природой театра, — остаются лишь страсти и мысли. Если точнее — мысли.

Естественно, на переход к прозе было не так просто отважиться. Прожив более полувека, вновь стать дебютантом... Тем более свое положение в драматургии я мог считать в определенной мере устойчивым. Однако другого выхода не было.

— Но вы снова вернулись к театру: появились «Цитата» и «Пропавший сюжет». Видно, трудно уйти от сцены?

— Нелегко. Привлекает мгновенный отклик.

— Комедия «Цитата» написана в стихах. Кажется, это у вас впервые?

— То было скорее инстинктивное, нежели продуманное решение. Постиг я его «задним умом». Рифма тизнирует, обобщает, помогает перевести так называемую «острую» пьесу из публицистического ряда в эстетический, сулящий произведению гораздо большую прочность. Пока «Цитата» еще не выцвела; посмотрим, как долго сохранит она свежесть.

— Сейчас больше пишут не о театральных премьерах, а о театральных междоусобицах. Весьма шумный отклик имели, в частности, заметки актера Вениамина Смехова в журнале «Театр»...

— Было время, когда антрепренеры вписывали в контракт условие: «Артисту запрещается заводить знакомства среди публики». При всей наивности условия в нем была и здравая мысль: театр и его служители должны заключать в себе некую тайну. Понимание этого давно утеряно. Бесконечные свары и тяжбы, о которых сообщает пресса, окончательно разрушили «четвертую стену»... То, что Вениамин Смехов рассказывает о «любимом» периоде Театра на Таганке, весьма интересно, чувство благодарности

Учителю делает ему честь. Но все, что относится к Эфросу, оставляет тяжелое впечатление. Думаю, Смехов сам жалеет об этих страницах своих мемуаров.

— Как известно, Любимов был в Москве, выпустил «Бориса Годунова». Рассказывают, что труппа просила основателя театра: «Оставьте!».

— Вся история с Юрием Любимовым — незажившая рана. Можно ли оспорить тот факт, что на таганской сцене он своей работой, своими средствами — вместе с артистами — вспахивал почву для перестройки? То, что именно он вдруг оказался за пределами Родины, трагично и одновременно нелепо... Вообще «утечка» ума и талантов слишком дорого нам обошлась, в самом прямом смысле слов. Вспомните и о моральном здоровье. Все это не проходит для общества даром.

Мы чудом не утратили Сахарова; потеряли тех, кого могли не терять. Никогда не забуду раннего утра, когда Александр Галич выходил из подъезда родного дома, чтоб больше его никогда не увидеть. Помню его растерянную улыбку, скорее похожую на гримасу, его виновато разведенные руки. Десять лет назад в Париже мне попала в книжка его стихов, она называлась «Когда я вернусь». Недавно они вышли в свет и у нас.

Люди — не на одно лицо. Разные характеры, темпераменты, разные нервные системы, да и разные биографии. Когда такого поэта, как Бродский, сначала судят за тунеядство, потом высылают из родного города, а по возвращении не печатают, то все это создает вокруг него совершенно особую атмосферу. Жаль, до сих пор не опубликовано письмо, с кото-

рым он, впоследствии ставший нобелевским лауреатом, обращался к Л. И. Брежневу. Обнаружить бы это письмо!

— Сейчас идет много споров о разном понимании патриотизма. Чем объяснить накал страстей?

— Очевидно, тем, что в одно и то же понятие разные люди вкладывают разный смысл. Дело не в словах — в их содержании. Нынче в большом ходу слова «нравственность», «доброта», «милосердие», а отношения между людьми тем не менее ужесточаются... Патриотизм — прекрасное чувство, но когда его декларируют слишком часто и слишком звучно, возникают естественные сомнения. Иной патриотизм так плавно выливается в национализм, а уж этот последний всегда бесплоден. В «агрессивный национализм» не верю. И освободительные движения, и гордость за отечественную историю вполне могут обойтись без этой раковой опухоли, непреклонно ведущей к шовинизму, изуверству, распаду.

— Немало лет назад написан ваш «Странник», но недавно мы с особым вниманием перечитали слова его главного героя: «Старая племенная идея, под чью защиту снова, как некогда, хотят укрыться, нас не спасет... Когда к удовольствию разных маляков мы ощутили в нашем времени опасный кануи, подобное мышление уже не только провинциально, но и абсурдно. Ведь человечество стало землячеством. Всех нас ждет небывалая общность судьбы»... Не удивительно ли, что слова эти все более актуальны?

— Удивительно то, что их справедливость подвергается сомнению. На исходе века, под источившейся озоновой кровлей, в облупленном радиацией мире, перед лицом экологической катастрофы, вместо того, чтобы теснее прижаться друг к другу, многие нации продолжают упиваться своей особостью, отличиями и различиями. Новое мышление прежде всего — планетарное мышление. Но с каким трудом оно овладевает умами... Поневолье приходишь к печальному выводу, что мы, земляне, умом небогаты. И уж если нам суждено погибнуть, то, в первую очередь, от собственной глупости.

— Тем больше ответственность литераторы!

— Безусловно, хотя многовековой опыт доказал относительность ее возможности. Ни Гомер, ни Шекспир, ни Толстой не оградили мир от трагедий.

ВСЕСОЮЗНАЯ ПАРТИЙНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

— И все же как хорошо, что за последнее время в нашу литературу вернулось столько славных имен, столько блестящих произведений! Не странно ли, что этот процесс вызывает у некоторых писателей неожиданно болезненную реакцию?

— Что же, тому есть объяснение. Когда садишься на свободное место, всегда сходишь на приподнятого владельца билета, имеющего на это место законное право. Сейчас происходит непростая, но неизбежная переоценка ценностей: это процесс, действительно, болезненный. Человечески я понимаю иных писателей. Но все же истинные литераторы должны бы всей душой ликовать, что к народу приходят великие книги, что он может читать наконец Гроссмана и Платонова.

— Наши писатели стали все чаще обращаться к личности Сталина, что вызывает противоречивую, порой резко негативную реакцию. Что думаете об этом?

— Что ж, выскажу то, что думаю, не таясь. Хотя и не рассчитываю убедить не-

рванной и подготовленной акцией, в которой сама Андреева никак не могла быть ключевой фигурой.

Судите сами, статья немедленно была перепечатана некоторыми областными газетами, обсуждалась в качестве «идеальной платформы» в иных райкомах и других организациях. Что скажут теперь эти партийные работники, эти труженики средств массовой информации? Что они, как Черчилль, стояли «руки по швам»? Что «не могли поступиться своими принципами»? Но если они в самом деле «не могут ими поступаться», то теперь, когда эти принципы столь решительно отвергнуты, им остается с достоинством отойти в отставку. Думаю, что этого-то они как раз и не делают.

Полагаю, что «поступиться принципами» они могут с легкостью необыкновенной, в сущности, нет никаких принципов, нет даже окаменевших догм — есть страх утратить свои привилегии, свою власть. И чтобы надежнее сохранить то и это, эти «принципальные» люди скорее всего заявят себя самыми страстными бойцами за демократизацию и перестройку. Если, конечно, не готовят скрытно какую-либо аналогичную акцию — на этот раз более масштабную. В какой-то мере камуфляж был отброшен во время выборов делегатов на Всесоюзную партийную конференцию. Это было на редкость бесцеремонное и уверенное в своей силе саботирование общественной воли.

— Обратимся вновь к драматургии: Малый театр на этих днях показал зрителям вашу пьесу «Гости». Вы ее закончили, если не ошибаюсь, весной 1953 года, тридцать пять лет назад...

— Приятно, что литературное произведение не устарело спустя многие годы. Грустно, что живы затронутые в нем проблемы... «Гости» были написаны за три года до XX съезда, и это определило их драматическую судьбу. Спектакль выдающегося режиссера Андрея Михайловича Лобанова был показан всего один раз. После чего пьеса подверглась жестокому разгрому. Мне это стоило здоровья, мно-

ТРУДНЫЕ УРОКИ НОВОГО МЫШЛЕНИЯ

голетних скитаний по больницам. Лобанов, в конечном счете, потерял театр, а лишившись его, вскоре умер. В том незабвенном лобановском спектакле роль Сергея замечательно исполнил молодой Владимир Андреев; ныне он, народный артист СССР, возрождает «Гостей» как постановщик. Пусть будет достойна его работа памяти его Учителя...

— Отрадно, что «Гости» возвращаются на сцену. Но тревожит сегодняшняя пассивность многих драматургов. Сезон проходит за сезоном, а новых сильных пьес все нет. Чем вы объясняете их отсутствие именно теперь?

— Быстро откликнуться — дело нехитрое. Но это значит — вступить в неразумное и безнадежное состязание с нашей публицистикой. Дело писателя не откликаться, а исследовать и осмыслить время. Через характеры, через судьбы, через слово. То самое слово, которое у Герцена пламенеет, у Гоголя блещет, у Чехова светится... Три года назад я закончил «Цитату», с той поры и думаю о новой пьесе. Сегодня она уже созрела и в первой редакции завершена.

— В недавнем интервью «Литературной газете» публицист Андрей Нуйкин вспомнил, как Черчилль призывал Андрея Малюкова перестать писать «о женской любви и мужском честолюбии» в то время, как европейское небо заволочило тучи.

— Что-то все стали цитировать Черчилля...

— Нуйкин переадресовывает эти слова явным писателям, напоминая им, что и сейчас надо писать не о «женской любви», а о перестройке. Разделайте этот призыв?

— Я отлично понимаю его, но вполне разделяю этот взгляд на могу (улыбается): ничего нет важнее «женской любви».

— Вы написали 35 пьес, 15 сценариев, три книги прозы, десятки рассказов. Испытали вы творческое удовлетворение?

— В процессе работы, конечно, испытывал, но по ее завершении — лишь дважды: когда закончил «Пропавший сюжет» и «Странник».

— Каково ваше представление о личном счастье?

— Для меня это — один подмосковный поселок. Там малолюдно, нет телефона и есть громадный письменный стол.

Беседу вел
Гагик КАРАПЕТАН.